
ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ АГРАРНОГО СТРОЯ КИТАЯ И МАНЬЧЖУРИИ В ТРУДАХ Е. Е. ЯШНОВА (20-е годы XX в.)

Геннадий Петрович БЕЛОГЛАЗОВ,
кандидат исторических наук

В российской востоковедческой историографии пока не дана всесторонняя и должная оценка трудам харбинских ориенталистов по социально-экономическим проблемам Китая и, в частности, по становлению и развитию аграрного строя Маньчжурии как одного из важнейших составляющих общенациональной экономической базы страны.

Практическая деятельность и теоретические труды русских агрономов, селекционеров, ботаников, почвоведов, энтомологов, экономистов-аграрников, других специалистов сельского хозяйства, приехавших в Маньчжурию как в

период строительства КВЖД, так и эмигрировавших в 20-е годы и работавших здесь в ряде административных, общественных и научных организаций вплоть до середины 30-х годов, а также их оригинальные идейные воззрения на сущность традиционного азиатского крестьянского общества, китайскую цивилизацию и ее трансформацию под влиянием европейской индустриальной культуры в одном из своеобразных регионов Китая — Маньчжурии, должны быть востребованы и изучены в наше время, когда моноидеология и моноцензура стали историей прошлого.

Евгений Евгеньевич Яшнов выделяется из числа наиболее ярких представителей научной школы харбинских ориенталистов — экономистов и аграрников. В дореволюционной России он был известен как русский поэт, лично знавший Ф.Сологуба, А.Блока, М.Горького. В 1919—1921 гг. жил и печатался во Владивостоке. Эмигрировав в Маньчжурию (в Харбин), Яшнов устроился на службу в Экономическое бюро КВЖД, где успешно сочетал творческую деятельность ученого с практической работой коммерческого агента и экономиста в официальном учреждении. На КВЖД отработал вплоть до конца 1934 г., когда дорога была продана Японии. За это время он написал и издал более ста исследовательских и статистических работ, охватывавших практически все области экономики и сельского хозяйства Китая и его регионов.

Труды Е.Яшнова «Китайское и русское крестьянское хозяйство на Дальнем Востоке», «Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии», «Очерки китайского крестьянского хозяйства», «Особенности истории и хозяйства Китая» и многие другие вызывают восхищение и ныне у востоковедов и экономистов-аграрников своими тщательными и объективными обследованиями крестьянских хозяйств и описанием перемен в социально-экономической жизни деревни Китая и Маньчжурии. В своих работах ученый не только фиксировал фактическое положение аграрного комплекса и социально-экономическую ситуацию в китайской деревне, но и делал на основе критического и сравнительного анализа полевых статистических обследований крестьянских хозяйств Китая, Маньчжурии и российского Дальнего Востока теоретические выводы и стратегические прогнозы, носящие концептуальный характер.

Многие годы в отечественной историографии советского периода его работы замалчивались или, в лучшем случае, использовались в качестве статистического и фактологического источника при создании трудов по экономике китайской деревни и сельского хозяйства. Что же касается теоретических воззрений, то они признавались субъективными и чуждыми марксизму. Действительно, Е.Яшнов по своим идейным убеждениям не был марксистом. Он не принял советскую власть и эмигрировал в 1922 г. из Владивостока в Харбин. Ленина как теоретика-экономиста он знал по его дореволюционным работам, подписанным под различными псевдонимами. Тем самым Яшнов имел возможность объективно оценивать уровень его идей в области экономики сельского хозяйства и аграрного строя России, не выделяя из ряда других авторов теоретических трудов, занимавшихся адекватными проблемами.

Е.Яшнов неоднократно подчеркивал объективность своих полевых обследований хозяйственной организации края или региона. Но каждая «объективность» предполагает субъективный, авторский подход (описание) к «объективному положению или позиции (ситуации)», особенно при теоретическом обосновании. Анализируя теоретические выкладки Яшнова, можно прийти к выводу, что они во многом близки идеям и взглядам русских народников — экономистов земского типа. Как и многие земские экономисты-аграрники, чья деятельность проходила непосредственно в провинции, среди местных крестьян-

ян и которые были далеки от жизни городских теоретиков-народников, их дискуссий с политическими оппонентами, Яшнов также не признавал себя сторонником народничества или приверженцем каких-либо политических партий. В своей полемике по теории крестьянского хозяйства с марксистом А.Дубовским¹, который причислил (а вернее, «заклеймил») его к народникам, Яшнов с сарказмом отвечал, что Дубовский «может оценивать явления и людей по этикеткам. Таковую этикетку с надписью «народник» он налепил и на меня, причем я оказался принадлежащим к народникам, но в компании с известными П.П.Масловым и Н.Н.Сухановым и даже иностранными экономистами Давидом и Герцем. Как ни лестно такое общество, все же я должен по совести признаться, что народником никогда себя не считал»².

Тем не менее в ряде случаев следует согласиться с Дубовским, что некоторые выводы Яшнова присущи именно идеям русских народников конца XIX — начала XX в. Так, например, Яшнов, отмечая высокий уровень товарности сельскохозяйственного производства Маньчжурии (одного из важных показателей капитализации сельского хозяйства), пытается доказать, что здешнее «капиталистическое сельское хозяйство является анахронизмом и по мере заселения территории все более и более утрачивает капиталистический характер». В дальнейшем, по его мнению, производство сельскохозяйственной продукции для рынка снижается, «капиталистические» хозяйства «все более натурализуются, все более освобождаются от рыночной зависимости, т.к. целью крестьянского производства является удовлетворение натуральных потребностей», и в перспективе сельское хозяйство Маньчжурии должно неизбежно перейти к натуральному типу хозяйства.

Ближе к народникам оказалась позиция Яшнова и в дискуссии между марксистами и народниками по вопросу об эволюции крестьянского хозяйства³. Ссылаясь на взгляды ряда авторов трудов по этой проблеме (из марксистов — Гуревич, Ильин, Румянцев; их противников — Чернов, Пешехонов, Вихляев), он утверждает, что опыт Маньчжурии и Китая в целом не подтверждает теории — основополагающего постулата разногласий между двумя дискутирующими идеологическими оппонентами о неизбежной дифференциации крестьянства и концентрации земельной собственности. Утверждая, что история и статистика китайского крестьянства резко отличаются от подобного русского как системой хозяйствования, так и характером землевладения, Яшнов признавал наличие общих направлений, закономерностей эволюции крестьянского хозяйства, но считал, что в Китае они проявлялись совершенно отлично и даже приводили к противоположным конечным результатам.

Отмечая «контрастность» китайского крестьянства, он в то же время не признавал процесса дифференциации в деревне, «вымывания» средних слоев, создания класса сельской буржуазии и наемных работников. По мнению Яшнова, если в процессе натурализации исчезают капиталистические (кулацкие) дворы (фермы), то тем самым нивелируются социальные полюсы между капиталистическим фермером (кулаком) с одной стороны, и сельскохозяйственными рабочими — с другой. Следовательно, деревня постепенно трансформируется в место сосредоточения определенного количества однотипных мелких трудовых крестьянских дворов, ведущих натуральное хозяйство. Исходя из логики Яшнова, можно говорить лишь о временной «контрастности», т.е. делении крестьянства на бедных и богатых, но никак не о росте классового расслоения крестьянства Маньчжурии. В подтверждение своих выводов Яшнов ссылается на исторический опыт Китая: «Если бы дифференциация крестьянства здесь имела место, то, несомненно, на протяжении 40-вековой земледельчес-

кой истории Китая мы несколько раз были бы свидетелями осуществившейся естественным путем крайней концентрации сельскохозяйственных капиталов и земли в том числе. Между тем, ни прошлое, ни настоящее положение вещей об этом, по-видимому, не говорит. Наоборот, всегда Китай был и остается страной типично мелкого трудового крестьянства»⁴.

Вывод Яшнова оригинален — причина кризиса китайского общества не есть дифференциация крестьянства или «контрастность» деревни — это лишь его следствие. Он выдвигает версию «кризисности» общества в перенаселенности, в резком приросте населения в ограниченный период времени и его давлении на все сферы жизни общества. Именно теорией перенаселенности объясняет он причины упадка и волнений в государстве: в предшествующий кризису период положение крестьянства спокойно, оно приобретает землю, увеличивая капитал. Если и есть расслоение на богатых и бедных, то оно нивелируется «естественным движением населения» и «перераспределением» капиталов. Но с ростом населения, постоянным аграрным давлением, возникновением стихийных бедствий, падением производства происходит дробление хозяйств, «пожирание» бедных богатыми, пауперизация населения, рост ростовщических процентов, разгул бандитизма и хунхузничества. Общество «дифференцируется», но не на сельскую буржуазию и наемных работников, а на богатых и бедных (пауперов). И тогда государство начинает лихорадочно искать выход, прибегая к чрезвычайным мерам, вплоть до перераспределения крупных земельных владений, распределения зерна из государственных запасов (хранилищ) по территориям для наиболее нуждающихся, поощрения миграционных потоков и процессов и т.п. С ликвидацией кризиса и установлением спокойствия в обществе дифференциация крестьянских масс чуть утихла и вновь могла проявить себя лишь с очередным переизбытком населения и аграрного давления в том или ином регионе страны.

Особенность, «живучесть» хозяйственного строя Китая и стран Востока Е.Яшнов объяснял оригинальной концепцией трудоинтенсивности. Согласно этой концепции, в отличие от стран Европы в условиях Китая земля всегда являлась дефицитом и лишь труд был в избытке. Поэтому любые технические достижения и прогрессивные, с точки зрения европейского понимания, агроприемы не могли прижиться на почве Китая, где избыток рабочих рук покрывал все издержки предполагаемых новшеств и приемов обработки земли. Концепцию трудоинтенсивности Яшнов отстаивал в полемике с А.Мануиловым. Последний в своей книге «К теории сельскохозяйственной эволюции»⁵, критикуя теорию «закона убывающего плодородия почвы» (Яшнов называет ее «законом убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве»), отмечал: «... крупное хозяйство, под которым мы понимаем хозяйство, обладающее большими капиталами, имеет все шансы на победу над мелким хозяйством, при этом оно наряду с прочими преимуществами имеет и все те, которые способствуют подъему производительности сельскохозяйственного труда. В силу чего крупное хозяйство побеждает и саму природу, поскольку последняя проявляется в убывающем плодородии почвы. Только благодаря крупному хозяйству человек имеет возможность превратить этот «закон» в исторический пережиток, в такую силу, которая могла бы проявиться, если бы техника и крупное хозяйство не сводили ее к нулю»⁶. Яшнов не согласен с этим положением и спрашивает: где, когда крупное хозяйство побеждает мелкое? По его мнению, это «... относится к сфере возможного, а не сущего. Действительность почему-то предпочитает, как будто, менее целесообразные расплывчатые формы сельскохозяйственного производства»⁷.

Однако Е.Яшнов соглашается с А.Мануиловым в том, что в определенных регионах с рискованным земледелием, в частности в засушливых районах Поволжья и юга Сибири, «катастрофические неурожаи всегда грозят потрясать самые основы мелкого трудового хозяйства, ставя его перед перспективой полной гибели. Только крупные капиталистические хозяйства, способные благодаря применению тракторов, жнеек, молотилок и т.п. до минимума сократить применение человеческой и животной силы в своем производстве, — могли бы, по-видимому, при достаточно высоких хлебных ценах оказаться здесь более рентабельными, устойчивыми и в народнохозяйственном смысле полезными, чем распыленные и чересчур перегруженные потребляющими элементами трудовые хозяйства»⁸.

Как видим, Е.Яшнов был весьма гибок в дискуссиях с оппонентами и не превращал концепцию трудоинтенсивности и «трудохозяйственную» доминанту в догму. Толерантность его воззрений, в основе которых лежала объективность исследователя, позволяла ему принять ту или иную точку зрения идейного противника, в целом не поступаясь стержнем своих убеждений.

Ныне сельскохозяйственное производство, аграрный комплекс Китая представлены как крупными государственными хозяйствами, ведущими машинную обработку земли и переработку продукции, так и мелкими трудовыми дворами, семейными и специализированными фермами. Такое сочетание разнообразных по масштабам хозяйствующих субъектов позволяет властям, абстрагируясь от их идеологических позиций, наиболее полно задействовать трудовые, материальные, финансовые и природно-географические ресурсы, чтобы получить наивысшую отдачу от них, высокий результат конечного производимого продукта. Все это подтверждает слова и выводы Е.Яшнова, сделанные им более 70 лет назад, о возможности и необходимости дифференцированного подхода к применению трудовых и капиталоемких хозяйственных единиц в различных территориях страны и категориях крестьянских хозяйств.

¹ Дубовский А. Еще к вопросу о сельском хозяйстве Северной Маньчжурии // Вестн. Маньчжурии. 1927. № 6. С.29—32.

² Яшнов Е.Е. По поводу статьи «К вопросу о крестьянском хозяйстве Северной Маньчжурии». (Ответ г.Дубовскому) // Вестн. Маньчжурии. 1927. № 6. С.28—29.

³ Яшнов Е.Е. Важность изучения крестьянского хозяйства Азии // Вестн. Маньчжурии. 1926. № 3—4. С.22—32.

⁴ Яшнов Е.Е. Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии. Харбин, 1926. С.465.

⁵ Мануилов А.А. К теории сельскохозяйственной эволюции. М., 1925.

⁶ Там же. С.49.

⁷ Яшнов Е.Е. Важность изучения крестьянского хозяйства Азии // Вестн. Маньчжурии. 1926. № 3—4. С.26.

⁸ Там же.

SUMMARY: The article by Candidate of Historical Sciences Gennadiy Beloglazov «Theory of Evolution of Agrarian System in China and Manchuria as Seen in the works by E.E. Yashnov (the 20s of the XXth Century)» analyses theoretical heritage of one of the bright representatives of scientific school of Harbin economists-agrarians. E.E. Yashnov who expounded his original theory of evolution of agrarian system of China and Manchuria in numerous works written on the base of critical and comparative analysis of field statistic observations of farms in China and Manchuria and the Russian Far East. The theoretical conclusions and strategic prognoses, made by this scholar 70 years ago, were corroborated by present Chinese life.